

ОЧЕРКЪ
ИСТОРИИ
ЗАПОРОЖСКАГО КАЗАЧЕСТВА/

М. МАРКОВИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.

Екатерининскій каналъ, 168.

1878.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Августа 1878 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Мнѣнія о происхожденіи Запорожскихъ казаковъ 1— 4
2. Требования отъ вступающихъ въ Запорожскую общину . . 4—15
3. Внутренняя жизнь Запорожья 15—31
4. Внѣшняя исторія Запорожскаго казачества.
 - Первый періодъ (время образованія Запорожья). . . . 31—41
 - Второй періодъ (время героическихъ войнъ, ведущихся за свободу Малороссійскаго народа) 41—66
 - Третій періодъ (упадокъ Запорожья) 66—76
5. Заключеніе 76—78

Какъ первоначальнымъ происхожденіемъ своимъ, такъ и позднѣйшимъ существованіемъ Запорожское казачество обязано *наплывамъ* на низовья Днѣпра (за пороги) Малороссіянъ, продолжавшимся время отъ времени чрезъ всю исторію Запорожья, и постояннымъ *выходамъ* изъ тѣхъ же Малороссіянъ и изъ людей всѣхъ націй, даже турокъ и жидовъ, принявшихъ православную вѣру. Не смотря однакожь на постоянную почти перемѣну личностей, составляющихъ Запорожскую общину, духъ Запорожья съ начала существованія общины сохранился во всю послѣдующую ея исторію. Поэтому для насъ имѣетъ важное значеніе вопросъ о причинахъ, которыя побуждали выходить на Запорожье цѣлыя толпы и отдѣльныя личности, такъ какъ разрѣшеніе его можетъ способствовать пониманію идеи, какою руководились Запорожцы, рѣшаясь основаться на низовьяхъ Днѣпра. „Первоначально и преимущественно, говоритъ С. М. Соловьевъ, казакъ человѣкъ бездомный, изгнанникъ изъ общества, человѣкъ, которому тѣсно, тяжело въ обществѣ при извѣстныхъ условіяхъ... казакъ искалъ чрезъ бѣгство изъ общества только личной свободы, онъ являлся въ степь съ тѣмъ узкимъ, младенческимъ взглядомъ на общественныя отношенія, къ какому пріурочила его прежняя среда частной зависимости; онъ бѣжалъ въ степь вовсе не для того, чтобы трудиться, утвердивъ болѣе правильныя отношенія къ труду: онъ бѣжалъ для того,

чтобы быть вольнымъ казакомъ, а не мужикомъ, ибо съ понятіемъ труда соединялось понятіе мужичества; вольный казакъ, молодець, вовсе не хотѣлъ работать, или хотѣлъ работать какъ можно меньше, хотѣлъ жить на чужой счетъ, на счетъ чужаго труда“. Запорожское казачество образовалось именно изъ такихъ людей, недовольныхъ современнымъ порядкомъ дѣлъ въ государствѣ. Производя Малороссійскихъ казаковъ отъ инородцевъ, полукочевыхъ и полустѣпныхъ, извѣстныхъ подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ (Торковъ, Берендѣевъ, Коуевъ, Турнѣевъ), тождественныхъ съ названіемъ Черкасъ, г. Соловьевъ прибавляетъ, что „къ этому зерну присоединились многочисленныя толпы казаковъ чисто русскаго происхожденія“. Далѣе, раздѣляя малороссійское казачество на городовое и степное, или низовое, о послѣднемъ онъ говоритъ: „всѣ удалыя и безпокойныя головы, всѣ, имѣвшіе причины враждовать съ правительствомъ, стремились въ степное Запорожье: здѣсь-то вспыхивали возстанія и разливались по всей Украинѣ, отсюда являлись вожди этихъ возстаній“ ¹⁾. Таковъ чисто теоретическій взглядъ г. Соловьева на происхожденіе Запорожскаго казачества. Впрочемъ очевидно, что Запорожскихъ казаковъ онъ производитъ отъ тѣхъ же инородцевъ, отъ которыхъ произошли Малороссійскіе казаки, носящіе названіе Черкасъ. Это первоначальное общество, поселившееся на низовьяхъ (ниже пороговъ) Днѣпра, онъ только дополняетъ выходцами изъ Россіи и притомъ такими выходцами, которые больше всего могли причинить вредъ государству, еслибы оставались внутри его ²⁾. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи причину выселенія на низовья Днѣпра полагаетъ въ боязни „чуждой (польской) власти“ и татарскаго порабощенія ³⁾. Тоже самое въ сущности говоритъ и Н. И. Костомаровъ. «Вначалѣ казацкое общество образовалось, говоритъ онъ, изъ бѣглецовъ, нехотѣвшихъ терпѣть новаго устройства по образцу польскому“. „Число бѣглецовъ,

¹⁾ Малороссійское казачество до Хмельницкаго. Р. Вѣстн. 1859 г. IX кн.

²⁾ Ibid. стр. 177.

³⁾ Ригельмана, Лѣтоп. повѣств. о Малой Россіи, кн. 1.

говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, умножалось молодцами, которые уходили въ степи драться съ татарами. А драться съ татарами нужно было для того, чтобы не оказаться въ необходимости признать ихъ господство надъ собою: „простой народъ, говоритъ г. Маркевичъ по всей вѣроятности о времени послѣ втораго татарскаго нашествія на Кіевъ, остался подъ игомъ завоевателей, и только горсть скитальцевъ безпріютныхъ, но не поддавшихся подъ власть ханскую, удалились съ пепелищъ своей родины на Днѣпровскіе острова, защищенные непроходимыми тростниками и нѣмъ незаселенные. Тамъ, питаясь звѣриною и рыбною ловлею, они тревожили набѣгами враговъ вѣры и отечества“ ¹⁾. Наконецъ г. Симоновскій, установивши фактъ, что многіе бѣжали отъ притѣсненій и выселились внизъ по Днѣпру вслѣдствіе литовскаго завоеванія, продолжаетъ: „колонизація не прекращалась, когда водворялось крѣпостное право“. Не будетъ лишнимъ также привести и слова г. Щебальскаго, который говоритъ, что казаковъ собирали: татарское нашествіе, унія и прикрѣпленіе крестьянъ.

Всѣ приведенныя нами мнѣнія, не находясь во взаимномъ противорѣчіи, согласны и въ томъ, что первоначально Запорожье образовалось изъ Малороссіянъ, или Малороссійскихъ казаковъ. Потому намъ нѣтъ никакой причины не соглашаться и съ г. Скальковскимъ, что „произвольное стремленіе къ войску, оставленіе домашняго крова (лѣсовъ Волинскихъ, богатыхъ сель и пажитей Украины), переселеніе съ верховьевъ Днѣпра для того, чтобы въ безлюдной степи или въ низовьяхъ Днѣпра соорудить живую, вѣчно бодрствующую, ограду противъ мусульманскаго владычества, не могло быть дѣломъ случайнымъ“, ²⁾ потому что оставленіе родины, исканіе счастья въ чужихъ краяхъ, жизнь, исполненная тревогъ и опасностей,—все это не можетъ имѣть особенной привлекательности и не сильно заставить покинуть родныя мѣста. Но съ другой стороны мы не видимъ никакихъ

¹⁾ Исторія Малороссіи, ч. 1 стр. 9.

²⁾ Исторія Новой Сѣчи, ч. 1, стр. 26.

причиня и употреблять всѣ усилія, вмѣстѣ съ г. Скальковскимъ, на то, чтобъ доказывать несуществующее орденское (на подобіе западно-рыцарскихъ орденовъ) устройство Запорожской общины.

Выходу изъ государства, по нашему мнѣнію, всего болѣе можетъ способствовать жажда свободы—личной независимости, и особенно жажда свободы въ такихъ людяхъ, кѣкоторые несправедливо терпятъ притѣсненія. Если это такъ, то разорвавъ связи съ государствомъ, не терпя нововведеній Польскихъ или не желая имѣть надъ собою контроля королевскаго, не вынося притѣсненій и порабощенія—не имѣли ли въ виду Запорожцы жить на полной свободѣ, не признавая надъ собою никакой посторонней власти внѣ ихъ общества,—не руководились ли эти люди, поселившіеся на удобномъ для отраженія непріятеля мѣстѣ, идеею самоуправленія?

I.

Требованія отъ вступающихъ въ Запорожскую общину.

Въ Запорожскую Сѣчь—главный лагерь, какъ бы столицу и центръ ихъ общества—могъ приходить всякій, желающій сдѣлаться казакомъ и вступать въ эту общину наравнѣ съ другими казаками. „У насъ оттакъ, батькови дити, діялось: коли зажелавъ, ступай до насъ“. „Въ Запорѣжжи було... прінди, ратище встромі, янчарку повись, та й лежи собі хочъ три мѣсяци, пій и ижъ готѣве. Тилько встань, Богу помолись; коли є гроши, иди въ корчму—горилку пій. А якъ же скаже хто: „Дурно хлибъ иси“, то казаки такъ и нападуть: „а ты вже закозаковався, сакій — такий сину„! Какъ свободно можно было приходить въ Запорожскую общину, такъ точно можно было и выходить изъ нея. Наскучившій или нехотѣвшій болѣе жить въ Запорожьѣ могъ ийти куда ему угодно, и потомъ вновь вступать въ то же общество; — и это не имѣлось ему въ вину и не могло служить укоромъ. Отъ желающаго вступить въ Запорожскую общину требовались только: исповѣданіе православной—Греческой вѣры и холостая жизнь;

иногда впрочемъ нѣчто въ родѣ маленькаго искуса, весьма оригинальнаго.

Исповѣданіе православной вѣры и неженатая жизнь на Запорожьѣ были нѣчто въ родѣ обѣта, который Запорожецъ свято долженъ былъ соблюдать до тѣхъ поръ, пока онъ принадлежалъ къ «товариству» (мы уже сказали, что изъ Запорожья совершенно свободно можно было уходить); женщинамъ не дозволялось даже быть въ Сѣчи: „а вже въ Сичъ баба не ході. Хоть-бы сестра, хоть-бы рилна мати—не пустять“. „Оны казаки живутъ въ Січѣ не тожмо безъ женъ, но никакого женскаго полу къ нимъ ходить не позволяется“. Только неженатый, при исповѣданіи православной вѣры, имѣлъ равное право съ товариствомъ и могъ быть выбранъ въ старшину.—Какія же причины вызвали эти требованія?

Казаки, или люди, вступающіе въ Запорожское казачество, находились среди двухъ исповѣданій христіанскихъ—Православнаго и Католическаго (говоримъ о первоначальныхъ поселенцахъ на низовьяхъ Днѣпра, состоящихъ исключительно изъ Малороссіянъ съ малою примѣсью шляхтичей, раздѣлявшихъ одинаковую участь съ ними); мы не упоминаемъ про магометанъ Турокъ и Монголовъ, вскорѣ послѣ покоренія Руси принявшихъ магометанство, потому, что магометанство въ глазахъ простаго человѣка, едва ли знающаго самыя основныя догматы Православія, было „бусурманство“, а басурманннъ равнялся самому мерзкому предмету,—былъ хуже жида, который уподоблялся только собакѣ—«жидъ и собака—вѣра еднака». Какое же исповѣданіе могло быть лучшимъ въ глазахъ людей, желавшихъ себѣ свободы—Православное или Католическое? Вліяніе Католической Польши не хорошо отзывалось на народѣ малороссійскомъ; когда же появились въ Польшѣ о. іезуиты, положеніе его сдѣлалось еще хуже. А такъ какъ на простолюдина больше всего дѣйствуетъ внѣшность, то онъ весьма легко могъ сопоставить и притязанія католическаго духовенства съ православнымъ духовенствомъ, которое, пользуясь добровольными приношеніями, никогда не становилось посреди дороги свободнымъ стремленіямъ народа,

не стѣсняло его своимъ авторитетомъ ни въ семьѣ, ни тѣмъ болѣе въ общественномъ положеніи, увѣщевая его только дѣйствовать по совѣсти и не злоупотребляя само ихъ совѣстію. Этотъ совершенно внѣшній взглядъ на католическую религію народъ высказалъ въ наименованіи ея „вѣрою панскою“. „Для Украины, говоритъ одинъ изъ писателей, занимавшихся исторіею Малороссіи, отстаивать православіе значило вмѣстѣ и отстаивать права народа, отстаивать его свободу, которую фактически уничтожали польскіе дворяне, занимавшіе неза-селенныя ея земли“.

И, такъ угнетенное находило отзывъ въ православіи;— исповѣданіе православное какъ бы гарантировало свободу Запорожцевъ,—идею, положенную въ основаніе ихъ общины. Этимъ объясняется требованіе отъ вступающаго въ Запорожье православной вѣры.—Само собою разумѣется впрочемъ, что при этомъ нельзя забывать и естественнаго религіознаго чувства, воспитаннаго въ православной вѣрѣ, требовавшаго отъ желающихъ вступить въ общину Запорожскую исповѣданія также православнаго. Скажемъ даже, что это религіозное чувство давало какъ бы законность дѣйствіямъ Запорожцевъ, особенно по отношенію къ католической Польшѣ (каковы эти отношенія мы увидимъ). Это же религіозное чувство—чувство православія—придало Запорожцамъ особенный характеръ въ борьбѣ съ мусульманствомъ. Давая имъ какъ бы нѣкоторое право, освящающее ихъ набѣги на мусульманъ, способствуя ихъ стремленіямъ къ волѣ — къ самоуправленію, оно заграждало входъ Татарамъ и Туркамъ въ христіанскія государства,—было оплотомъ противъ магометанства и Турецкаго владычества надъ Россіею и Польшею. Что бы видѣть, каковы были религіозныя понятія Запорожцевъ, скажемъ о формѣ, въ какой выражалось требованіе православной вѣры отъ вступающаго въ Запорожье. Приходящаго въ Запорожье обыкновенно приводятъ къ кошевому, который спрашиваетъ: „а вѣруешь ли въ Бога“? Приходящій отвѣчаетъ: „вѣрую“.— „И въ Богородицу вѣруешь?“— „И въ Богородицу вѣрую.“— „А ну, перекрестись“! Приходящій крестился. Этими вопро-

сами все и ограничивалось: „ну, ступай, выбирай любой курень“, заключалъ кошевой.

Въ холостой жизни Запорожцевъ г. Скальковскій видитъ сходство съ рыцарскими орденами, на основаніи котораго думаетъ назвать Запорожцевъ также орденомъ рыцарскимъ и безбрачіе включить въ число обѣтовъ, даваемыхъ западными рыцарями. Но не лучше ли въ ихъ безбрачіи видѣть ту же суровую необходимость, по которой они рѣшились основаться на низовьяхъ Днѣпра, не смотря на то, что постоянно должны были быть готовы къ войнѣ и отраженію набѣговъ сосѣднихъ ордъ? Такъ, хотя фактически мы не можемъ показать причинъ безбрачія Запорожцевъ, но если взглянемъ на нихъ какъ на постоянное ополченіе, какъ на воинство, всегда готовое не только отразить набѣги сосѣда-хищника, но быть для него страшнымъ, преслѣдовать его въ его собственныхъ земляхъ, то не можемъ не придти къ мысли, что именно этотъ воинственный духъ и необходимость всегда быть готовыми къ бою вызвала у Запорожцевъ такое требованіе (требованіе холостой жизни). Извѣстно, семейная жизнь весьма много способствуетъ оскѣдности, изнѣживаетъ человѣка—дѣлая его мягкосердечнымъ, возбуждаетъ въ немъ привязанность не къ общему дѣлу, а семьѣ, короче: дѣлаетъ его мало способнымъ къ воинственной жизни. Разумѣется, если общее дѣло не находится въ противорѣчій съ его обязанностями къ семьѣ, а онѣ одно другое поддерживаютъ, не можетъ быть и рѣчи о вредѣ жизни семейной. Но если общество, по самому положенію своему среди хищныхъ сосѣдей, должно быть готово идти, куда заставитъ необходимость воинскаго успѣха, должно видѣть постоянно почти проливаемую непріятельскую кровь и закалить, а не умягчить характеръ, то семейная жизнь, очевидно, будетъ, вредна для него, потому что ослабитъ воинственный духъ. Нашимъ словамъ не противорѣчитъ малороссійское казачество, жившее въ семьѣ, напротивъ подтверждаетъ ихъ, если обратимъ вниманіе на отношенія казака-мужа къ своей женѣ хоть въ poemѣ Гоголя «Тарасъ Бульба».

Въ одной казацкой думѣ есть такой вариантъ:

Знати, знати козацьку хату
Скризь десяту:

Сидить въ ній козацька жінка, околїла,
Знати, знати козацьку жинку,
Що всю зїму боса ходить,
Горшкомъ воду носить,
Полоникомъ дити напуває.

Когда казачька услышала казацкій голосъ и не вышедши
казаку на встрѣчу въ дверь, отъ боязни встрѣчи съ нимъ, выле-
тѣла въ окно, какъ сизая голубка,

Тогда козакъ добре дбае
Хорошенько їи кѣлепомъ по плечахъ
привитає
Карбачемъ по спїни заминає.

Въ другой говорится:

Мини съ жинкою не возитьця,
Тютюнъ та люлька козаку въ дорози
знадобится.

Подобныхъ думъ и пѣсень много; напр. у Чубинскаго,
т. V, ч. III, бытовыя пѣсни:

Скоро козакъ зъ войска зъ охотнаго приїзджає,
То козачка неборачка до его прихожає,
Щи добрій борщъ оскомистїй приставляє,
Живить козакивъ скрипляє.
А козакъ добре дбає—
Пугою на їи махає.

Оддала моя мене старая мати, поетъ казачка,
за кого я не хтила,
Шумить, гуде нагаечка коло мого тїла.

Учинила твою волю:
Пишла замужъ молодою!

Биле личко, чорни брови
Досталися лпкій доли!
Лихая доля въ корчомци пье, гуляе,
А якъ прїѣде до домоньку—
въ головоньку бѣе....
Я бідна, молодая... нагайко крае:
Нагаечка гротясенька, а я
молоденька....
У тило влппае, кровью закипае,
А ще его серденькомъ называю.

Чи замужъ ити, ой чи дивувати?
Дивкою гуляй—людьско обмовонько,
А замужъ иди—бідна головонько.

Ой прїѣхавъ козаченько зъ поля,
Та привъязавъ кониченька биля порога.
Ой взявъ свою миленькую
За рученьку биленькую
Повивъ ии въ комирочку,
Положивъ милу въ постилочку;
Самъ укрився кожущками,
Милу укривъ кулачками;
Самъ укрився свитиною
Милу укривъ дубиною;
Самъ укрився китайкою,
Милу укривъ нагайкою.

Малороссійскій казакъ, посылая сына въ Запорожье, убѣж-
даетъ его нежениться такими словами:

Мы жинокъ мусимо любыты,
Такъ якъ нашихъ сестеръ, материвъ,
А. опричь ихъ намъ треба никого не любыты,
И уतिकаты якъ отъ злыхъ чортивъ.

Бо ты знаєшь, мій милий синку,
Лыцареви (рыцарю) треба воіювати,
А тобі буде жаль жинку зоставляти.

Да и наше воинское ополчение развѣ не можетъ служить
отчасти подтвержденіемъ нашему предположенію?...

Но, при исповѣданіи православной вѣры, рѣшившись вести
холостую жизнь, какимъ образомъ Запорожье могло поддержи-
вать существованіе общества? Оторвавшись отъ родины, вы-
нося съ собою горькое положеніе своихъ товарищей или
сосѣдей, находящихся въ такомъ же или еще въ худшемъ
положеніи, чѣмъ то, которое они рѣшили оставить, бѣ-
жавъ на Запорожье, выходны очень легко могли придти
къ мысли, что изъ этихъ людей могутъ найтись такіе же
недовольные, какъ и они, — люди, также желающіе жизни
свободной — независимой. Слѣдовало, значить только дать
имъ пріютъ у себя, не стѣснять никого ни при вступле-
ніи въ общество, ни при выходѣ изъ него. — А если без-
препятственного дозволенія вступать въ общество мало, то
можно убѣждать ко вступленію. можно даже брать съ согла-
сія родителей дѣтей и воспитывать ихъ у себя. И дѣйстви-
тельно, Запорожцы часто подговаривали дѣтей ѣхать съ ними
на Запорожье, хотя впрочемъ тотчасъ отпускали тѣхъ дѣтей,
которымъ не понравится жить у нихъ; да и сами малорос-
сійскіе казаки часто убѣждали дѣтей своихъ идти на Запо-
рожье. Такимъ образомъ можно поддерживать существованіе
общества и безъ женщинъ. Запорожцы не хотѣли признавать
надъ собою контроля королевскаго по любви къ свободѣ, такъ
столько ли дорога и пріятна для человѣка жизнь семейная,
какъ золотая вольность?!... Зачѣмъ же и заводить женъ?
кому нужно, тотъ пусть живетъ среди малороссійскаго каза-
чества; свобода и семейная жизнь, при тогдaшнемъ положеніи
Запорожцевъ, были двѣ вещи несходныя. Одна давала счастье,
другая сулила неволю; одна ограждала отъ всякихъ притѣс-
неній, другая вела къ нимъ.

На що минн женітисѧ?
На що минн брѧтисѧ?
Будуть зѧ мѧне молодого
Козакѧ сміятисѧ.
„Оженівсѧ“, вони скѧжуть,
Голодній и голій,
Занапастівъ, нерозумний,
Молодую волю“!
Воно й правда. Що жѧ діяти?
Навчить менѧ люде.
Итї хибѧ до васѧ въ нѧймы?
Чи до ладу буде?
Ни, не буду чужи воли
Пѧсти—заганяти;
Не буду я въ чужій хѧти
Тѧщу поважати;
А буду я красувѧтисѧ
Въ голубимъ жупѧни
На конику вороному
Перѧдѧ козакѧми.
Найду собі чорнобрівку
Въ степу при долини
Високою могилоньку
На тій Украини.
На весилѧ товариство
Війде погуляти,
Та вінесе самопѧли,
Вікочить гармѧту.
Якѧ понесуть товариша
Въ нову свитлицю,
Загомонѧть самопѧли,
Гукнуть гакивніци.
Якѧ полѧжѧть отамѧна
Въ новій хѧти спѧти,
Заголосить, якѧ та мѧти,
Голоснѧ—гармѧта.
Гукѧтимѧ—кричатимѧ